

А. Ю. Ширяев*

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ И ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Исследуется социально-этическое и предметное содержание вины как сложного уголовно-правового понятия. Анализируются проблемы теории вины в условиях российской правовой действительности. Показана взаимосвязь проблем общей теории вины и вопросов виновности в практике разрешения конкретных судебных казусов.

Ключевые слова: вина, упречность, социально-этическое содержание вины, предметное содержание вины

The social-ethic and objective content of guilt as complex criminal law conception is researched. The problems of guilt theory in the conditions of the Russian lawful reality are analyzed. Correlation between theoretical and practical questions in trial of the criminal cases is shown.

Key words: guilty mind, blameworthiness, social-ethic content of guilty mind, objective content of guilty mind

Господствующая психологическая теория определяет вину в уголовном праве как психическое отношение лица к совершаемому им конкретному общественно опасному деянию и к его общественно опасным последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности, в котором проявляется антисоциальная направленность деятельности виновного, порицаемое судом от имени Российской Федерации. Как отмечают криминалисты, в теоретическом плане вину необходимо рассматривать в нескольких аспектах (психологическом, уголовно-правовом, предметном и социальном), причем каждый из них высвечивает определенную грань этого понятия¹.

Абстрактный и неопределенный термин «психическое отношение» позволяет вкладывать в него различный смысл. Так, А. П. Козлов, говоря о непрерывном развитии преступной деятельности «от возникновения психического отношения до наступления преступного результата», обозначает этим термином реальные психические процессы, характеризующие акт преступного поведения с внутренней стороны². Н. Г. Иванов, напротив, психическое отношение лица к содеянному, выраженное в виде умысла или неосторожности, понимает шире, наполняет ценностным содержанием и отмечает, что вину нельзя сводить исключительно к ее формам (умыслу и неосторожности)³. По мнению М. И. Еникеева, характеристика вины вообще лежит за пределами форм психического отношения субъекта к деянию и раскрывается как причастность антисоциальных личностных качеств индивида к противоправному деянию, игнорирование личностью общественных интересов, выступающее основанием для несения наказания виновным⁴.

Основу вины образуют психические познавательные и волевые процессы. «Психическое отношение», этот реликтовый теоретический конструкт советской психологии, может выражать лишь общий итог направленности психики субъекта на антисоциальный характер поведения. Поэтому А. П. Козлов, например, не вполне точен, утверждая, что реальная вина, «существующая в природе», — это определенные отношения, обозначаемые умыслом и неосторожностью⁵. «Реальная вина» — это психические когнитивные и волевые процессы той или иной интенсивности, сопряженные с преступлением.

* Ширяев Алексей Юрьевич — старший помощник прокурора г. Кушвы, юрист 1-го класса, соискатель кафедры уголовного права Уральской государственной юридической академии (Кушва). E-mail: a.shiriaev@e1.ru.

Как юридический феномен вина проявляется в пределах своих форм – умысла или неосторожности. Иные компоненты, называемые в литературе (антиобщественная установка, предосудительность мотивов, характера и образа мыслей), составляют социально-этическое содержание вины личности, вполне укладывающаяся в границы традиционных форм. Даже современная немецкая уголовно-правовая доктрина хотя и вывела вину (Schuld) за пределы субъективного состава преступного деяния (Subjektive Tatbestand), но рассматривает ее в форме умысла и неосторожности как модусов проявления личностного дефекта правосознания. Умысел и неосторожность как формы вины соответствуют ценностному подходу и состоят во враждебном либо беззаботном личностном отношении к требованиям правопорядка, а умысел и неосторожность в составе деяния выполняют функцию типизации преступного поведения⁶.

В этическом смысле вина дает право наказывать. В частности, американский криминалист Дж. Самаха принцип наказания за вину выводит из требований естественной справедливости: «Виновен только тот, кого мы имеем право обвинить»⁷. П. А. Волостнов обоснованно выдвигает следующий тезис: «Психическое отношение в структуре вины не имеет специфики. Особенность заключается не в самих психических процессах, включающих в себя интеллектуально-эмоционально-волевые компоненты, которые универсальны для любого типа сознательно-волевого поведения, а в специфике отражаемых фактических обстоятельств»⁸. Действительно, сами интеллектуально-волевые процессы в психике преступника, отвлеченные от их предметного и личностного содержания, не выражают особенности вины в преступлении.

Вместе с тем психические процессы формируют ядро виновного отношения. Они предметно направлены (интенциональны) и итог их протекания – формирование когнитивного или волевого результата (соответственно знание и решимость). Протекающие в психике преступного субъекта процессы объясняют закономерный переход качеств личностной деформации правосознания к предметному преступному поведению, а вина имеет два компонента: социально-этический (личностный) и конкретно-предметный, связанный с самим деянием.

Кризис теории вины в российском уголовном праве очевиден, поскольку соотношение понятий вины-оценки и психологической вины подлежит пересмотру⁹. Так, психологи М. Льюис и Р. Бак рассматривают вину как вторичную этическую эмоцию, которая не возникает с рождения, а требует развития когнитивных способностей и самосознания¹⁰.

Этическая философия и уголовное право давно ведут поиски стандартов моральной упречности поступка. А. Шопенгауэр, например, предложил формулу степени аморальности поведения: «Величина несправедливости моего поступка равна величине зла, которое я им причиняю другому, разделенной на величину выгоды, какую я сам из него извлекаю»¹¹. Схожий критерий использовал П. А. Фейербах, утверждавший, что «преступление, учиненное по внутреннему побуждению при слабых внешних прелестях, более достойно наказания, нежели то преступление, в которое человек вовлечен был сильными случайными внешними прелестями»¹². Само требование субъективной вины в уголовном праве следует признать внедрением в него морального принципа: к фактическому вменению присоединяется как его дополнение вменение моральное¹³. В исторических конструкциях вины ее юридическое содержание часто выражается через этический аспект. Так, в позднем римском праве умысел – это «безнравственное, направленное на совершение деяния, намерение»¹⁴. Одна из немецких уголовно-правовых теорий вины как ответственности за собственный характер основана на моральной системе А. Шопенгауэра¹⁵. Франц фон Лист полагал, что, признавая существенным элементом преступления внутренние особенности преступника, главным следует считать характер деятеля. Детерминизм, по Листу, дает разумное основание существованию вины, поскольку «может поставить отдельное деяние в связь со всем психологическим складом виновника»¹⁶.

Этика дает примеры исследований фундаментальной нравственной основы вины как осознанной несправедливости. Например, А. Шопенгауэр утверждал, что преступность индивида объясняется таким самоутверждением воли, при котором она неправомерно вторгается в сферу утверждения чужой воли (Einbruch in die Grenze fremder Willensbejahung)¹⁷. Такое вторжение выражается в слове «несправедливость». «Терпящий несправедливость чувствует вторжение в сферу утверждения своего собственного тела в виде отрицания его чужим индивидуумом: он чувствует это как непосредственное и духовное страдание, которое вполне отделимо и отлично от сопровождающей его физической боли, причиняемой самим деянием, или от огорчения по поводу утраты. С другой стороны, в совершающем несправедливость... мгновенно возникает это сознание, не in abstracto, а в виде темного чувства, — и это называют угрызениями совести или, ближе к данному случаю, чувством содеянной несправедливости»¹⁸.

А. Э. Жалинский обоснованно ставит вопрос о существовании в уголовном праве ситуации формального наказания за вину, которой, по существу, нет, приводя в пример ответственность по УК РСФСР 1960 г. за гомосексуализм и спекуляцию, а на современном этапе отмечая проблематичность ответственности за наркоманию. Этим выражены два главных этических момента, определяющих вину: причинение или угроза вреда общественным ценностям и свободная возможность субъекта действовать правомерно¹⁹.

Введение в России суда присяжных с его смешением понятий судьи и эксперта в сфере морали несет риск перемещения «вины» в правовой действительности из области объективных психических фактов в сферу нравственных оценок. И. А. Клепицкий отмечает, что в оценочной теории вины внимание акцентируется не на объективных, а на субъективных признаках, что больше соответствует принципу вины. Оценочная теория, по мнению ученого, точнее отражает реальную познавательную деятельность в уголовном процессе, а современные попытки обосновать оценочную теорию вины во многом связаны с изучением практики суда присяжных. Особенность оценочного подхода состоит в том, что невиновным может быть признано лицо, осознанно совершившее не только малозначительное деяние, но и деяние, повлекшее тяжкие последствия вплоть до смерти потерпевшего (что иногда и происходит в суде присяжных)²⁰. Отметим, что проблема кризиса традиционной юридической догмы виновной ответственности неразрывно связана с проблемой сдвига к агностицизму в сфере судебного исследования объективных фактов. Суд присяжных по природе склонен при возникновении сомнений в фактах выносить вердикт о виновности, основываясь на интуитивном представлении о моральной оценке деяния и личности подсудимого. Ярким историческим примером подмены юридической конструкции вины моральной предосудительностью является знаменитый казус Веры Засулич. Достоверная доказанность преступления В. Засулич в виде умышленного причинения тяжкой раны градоначальнику Трепову (Засулич обвинялась в покушении на убийство) не помешала жюри вынести оправдательный вердикт, констатирующий полное отсутствие вины вследствие нравственных симпатий к поступку, невзирая на наличие состава преступления.

Введение суда присяжных выявило ряд сложных вопросов в современном понимании вины. Неискушенный в праве присяжный заседатель, отвечая на основной вопрос, предусмотренный п. 3 ч. 1 ст. 339 УПК РФ: виновен ли подсудимый в совершении этого деяния, не различает доказанность факта осознанного совершения конкретного преступления и степени моральной упречности подсудимого. Требование ч. 3 ст. 348 и ч. 5 ст. 399 УПК РФ в виде запрета разрешения присяжными юридических вопросов неопределенно и трудновыполнимо. Можно ли при вынесении вердикта вычленивать чисто физический факт преступного события, свободный от юридической и моральной оценок, а затем признать подсудимого в нем виновным? Как писал П. И. Люблинский, факт не есть случайно вырванный из густой сети взаимоотношений «кусочек» действи-

тельности; это совокупность различных обстоятельств, проникнутых взаимной сетью и релевантных в каком-либо отношении. Установление факта — это уже начало применения материального закона²¹. Физические изменения материальных объектов, включая телодвижения субъекта и потерпевшего, сами по себе еще не составляют предмета виновности.

Психологическая теория считает вину категорией объективной реальности. Как полагают ее сторонники, адепты нормативной концепции отрицают за виной качество строго определенного факта внешнего мира, явления объективной действительности, которое может и должно быть отражено в сознании суда²². Однако Верховный Суд РФ вопросы субъективной возможности предвидения и расчета на предотвращение наступления преступных последствий относит не к реальным психологическим фактам, а к юридической оценке деяния. Можно ли считать это проявлением тенденции к отказу от требования установить предметное содержание субъективной стороны преступления и воплощения в жизнь теории вины-оценки?

Верховным судом Республики Коми 1 декабря 2003 г. Шумилов осужден по ч. 2 ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности Механошиной и Лютых. Органами предварительного следствия Шумилов обвинялся в убийстве Механошиной на почве ссоры и убийстве Лютых с целью сокрытия другого преступления. Коллегия присяжных заседателей признала доказанным, что событие преступления имело место. При этом присяжные заседатели утвердительно ответили и на вопрос о доказанности факта нанесения Механошиной множественных ударов металлическим прутом по голове, повлекших смерть потерпевшей, и на вопрос о доказанности факта нанесения Лютых не менее двух ударов по голове, причинивших смерть потерпевшему. Одним из оснований отмены приговора Президиум Верховного Суда РФ признал постановку вопросов о форме вины, посчитав эти вопросы исключительно юридическими (их решение присяжными противоречит требованиям ч. 3 ст. 248 УПК РФ) и содержащими формулировку правовой оценки содеянного. Незаконными признаны два вопроса об отношении Шумилова к последствиям его действий, совершенных в отношении потерпевших. Так, в вопросе № 3 было предложено ответить, доказано ли, что Шумилов нанес удары Механошиной, «не предвидя возможности наступления телесных повреждений и смерти потерпевшей... или рассчитывая на их предотвращение». Аналогичным образом сформулирован противоречащий требованиям УПК РФ вопрос по установлению формы психического отношения к потерпевшему Лютых²³.

В XX в. оценочная теория вины заняла господствующую позицию в германской уголовно-правовой доктрине. Принцип вины и ответственности немецкого уголовного права, сформулированный как «наказание предполагает вину», говорит о том, что вопрос о вине можно сформулировать следующим образом: можно ли данное деяние поставить в упрек его автору и наказать его. «К вине как элементу преступления, а не субъективного состава деяния новейшая теория относит упречную мотивацию и ряд иных признаков. Обосновывается это тем, — указывает А. Э. Жалинский, — что такого рода признаки характеризуют не негативность действия или результата, а негативность убеждений, мышления»²⁴. Вменяемость (Schuldfähigkeit), признаки образа мыслей (злоумышленно, жестоко) относятся к личности и не входят в субъективный состав преступного деяния. Вина — это институт социально-правового характера, направленный на отделение противоправности деяния от противоправности субъекта и поиск материального субстрата преступления. Установление вины есть установление противоречия долгу²⁵.

Однако оценочно-этический аспект не должен подавлять предметное содержание вины, в противном случае отпадет правовая определенность вменения. Обращенным во внешний мир полюсом виновного отношения выступает осознание объективных моментов причиняемого вреда, направленности деяния против конкретного блага.

«Предметный аспект означает, что вина как абстрактное понятие не существует, она должна связываться с совершением конкретного деяния. Лицо признается не вообще виновным, а виновным в совершении, например, кражи, хулиганства или другого какого-либо преступления»²⁶. В. Н. Кудрявцев, говоря о квалификации преступлений по субъективной стороне, отмечает, что, представляя собой своеобразную модель объективной стороны в психике субъекта, субъективная сторона различных преступлений обладает неодинаковым «предметным содержанием» и может иметь различную форму²⁷. Принцип субъективного вменения воспроизводит в уголовном праве положение о единстве сознания и деятельности, которое, по С. Л. Рубинштейну, есть узловое звено всех принципов психологии. «Единство сознания человека и его поведения, внутреннего и внешнего его бытия, которое в нем утверждается, раскрывается, прежде всего, в самом их содержании. Внутреннее, психическое неопределимо вне соотнесения с внешним, объективным»²⁸. «Объективная сторона есть внешняя, чувственно воспринимаемая форма, в которой выражается внутреннее субъективное содержание преступления, выступающего в виде отрицательного отношения индивида к обществу, правопорядку и могущего быть обозначенным термином „вина“»²⁹.

Предметное содержание вины отделяет юридическое вменение от порицания за не очерченный правовым запретом аморальный импульс или не объективированный во внешнем волевом акте голый умысел. Так, Т. В. Кондрашова указывает, что несмотря на то что аморальным может быть признан довольно широкий спектр низменных способов полового поведения, понятие изнасилования имеет свой формально определенный модус действия, четкую взвешенную и осознаваемую таковой смесь средств и целей. Физическое насилие, как и угрозы его реализовать, должно применяться только с целью сломить либо предупредить сопротивление со стороны потерпевшей для вступления с ней в половую связь³⁰. Субъективные и объективные признаки каждого состава преступления не являются простой их суммой или агрегатом. Субъективная сторона преступления (психическое отношение к деянию) должна охватывать все объективные юридически значимые признаки преступления, с отдельными особенностями в «асимметричных» (усеченных) составах и составах неосторожных преступлений.

«Квалификация умышленных преступлений по статьям уголовного закона, — писал Ю. А. Демидов, — невозможна без установления содержания умысла виновного»³¹. Предмет умысла, таким образом, считается фактической основой правовой оценки. Например, в уголовном праве США, страны, где исторически сильны традиции суда присяжных, *mens rea* (виновная мысль) — это психический элемент или вид преступного намерения, который сторона обвинения должна доказать за пределами разумных сомнений³², т. е. как факт. В отечественном уголовном праве структура общественной опасности конкретного преступления определяет «двухслойную» структуру предметного содержания вины субъекта. Сознание виновного должно охватывать характер объекта, фактическое содержание и социальное значение совершаемого действия или бездействия³³. Но в какой степени можно установить предмет виновного психического отношения как факт и что служит объективным отражением этого отношения?

Суд присяжных Московского областного суда осудил Томилова за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетней и угрозу убийством по ст. 120, 207 УК РСФСР. Президиум Верховного Суда РФ 31 августа 1994 г. отменил приговор и определение кассационной палаты Верховного Суда РФ, а дело направил на новое рассмотрение, указав следующее. Следственные органы предъявили Томилову обвинение в том, что он, угрожая убийством малолетней П., изнасиловал ее в извращенной форме (оральным способом), и квалифицировали эти действия по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. Фактические обстоятельства обвинения полностью подтверждены в судебном заседании. Перед присяжными поставлено два вопроса: 1) виновен ли подсудимый в том, что, угрожая П. и используя ее беспомощное состояние, совершил с ней на-

сильственный половой акт в извращенной форме; 2) виновен ли подсудимый в том, что совершил в отношении несовершеннолетней П. развратные действия, направленные на удовлетворение своей половой страсти, выразившиеся в обнажении ее тела и непристойных прикосновениях к нему? Коллегия на первый вопрос дала отрицательный ответ, на второй – положительный. По мнению Президиума Верховного Суда РФ, из отрицательного ответа коллегии присяжных заседателей на первый вопрос нельзя сделать однозначный вывод: или присяжные заседатели согласились с мнением адвоката, что изнасилование возможно только в случае насильственного полового сношения в обычной форме, или вопреки показаниям потерпевшей и подсудимого пришли к выводу о недоказанности самого факта введения Томиловым под угрозой убийства полового члена в рот потерпевшей. Кроме того, Президиум пришел к выводу, что поставленные присяжным заседателям вопросы требуют юридической оценки действий («насильственный половой акт в извращенной форме», «развратные действия»), что противоречит требованиям закона³⁴.

Верховный Суд РФ вопросы о юридических признаках деяния и об их охвате умыслом виновного относит к вопросам правовой квалификации, а не установления факта. Возникает проблема порядка процессуальной реконструкции «двухслойного» по структуре предметного содержания вины. Устанавливается ли виновность лица в деянии определенного характера общественной опасности, закрепленном в норме УК, или виновность в физических телодвижениях, описываемых натуралистически, с учетом того что преступления, предусмотренные ст. 119, 132 и 135 УК РФ, отличаются по объекту, а следовательно, характеру общественной опасности. Относится ли содержание умысла к фактам, хотя бы в части фактических обстоятельств в его содержании. В соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Умысел предполагает направленность на совершение конкретного деяния определенного характера общественной опасности и должен быть доказан. Возникает абсурдная ситуация, когда присяжные должны признать подсудимого виновным якобы не в конкретном преступлении, понятие которого определено в законе, а в исполнении отдельных элементов фактического поведения неопределенного характера социальной опасности (фактическая угроза убийством, фактические сексуальные действия в отношении малолетней в указанном месте и в указанное время). Только судья вправе объединить эти мозаичные части в единой правовой оценке с юридической формой вины. Виновность в фактическом деянии, которую устанавливает жюри, оказалась лишена социально-правового содержания, что прямо следует из пп. 28 и 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 г. № 23³⁵.

Фактическое ядро предметного содержания вины определяется тем, что С. Л. Рубинштейн называл «техническая операция по отношению к вещи». Так, в психическом отношении к общественно опасным действиям невменяемых лиц нельзя полностью исключить присутствие «натуралистических» элементов умысла. Их поведение не лишено полностью субъективного содержания подобно действиям неодушевленных механизмов. Актуальный психический импульс аномального субъекта предметно ориентирован, вследствие этого поведение предварительно может быть квалифицировано как тот или иной вид умышленного преступления, например умышленного причинения смерти, умышленного повреждения чужого имущества или угрозы убийством. Первично психика аномального субъекта, как и вменяемого лица, направлена на действия с внешними предметами, но не достигается должный уровень осознания социального значения поступка.

Преступление есть не что иное, как акт поведения определенного социального значения, факт социальной, а не просто физической действительности. Предметное содержание вины не ограничено только физическими характеристиками предметов

и действий, составляющих объективную сторону конкретных преступлений, оно включает социальное значение предметного поведения. Как писал в исследовании о психосоциальном развитии человека Д. Франкл, «все, что присутствует в социальной жизни — как материальные структуры, так и правила, законы, обычаи и условности, — создано людьми и может рассматриваться как вещественные предметы либо идеальные образования, объединенные общим понятием „культура“ или „цивилизация“. Цивилизация состоит из единства биофизических объектов и энергий, которые используются как посредники при объективации смыслов, ценностей и норм»³⁶. Только совокупность тех и других, отражаясь в намерении индивида, определяет предметное содержание вины в конкретном преступлении.

Подведем итоги. Когда решается вопрос о виновности, невозможно вычленить некий морально нейтральный или юридически стерильный целостный факт (только самостоятельную часть целого в виде пребывания в определенном месте в определенное время), а потом дать ему правовую оценку «извне», «облачить» реальную плоть «голового факта» в подходящие одежды норм. Уголовно-юридический факт предстает как виновность лица в умышленном причинении смерти другому человеку или в умышленном незаконном лишении свободы, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего. Элементы фактического и нормативного переплетены, образуя единое тело. Не удастся выявить вину в чисто процессуальном смысле без всякого материального значения, только как доказанность пребывания в определенном месте и времени или совершения «просто деяния». Ответ на вопрос о факте обуславливает решение о личной ответственности индивидуума за конкретное преступление. Отдельные элементы физической стороны преступного события не составляют полного факта, релевантного для вопросов уголовной ответственности. Так, способ действия (*modus operandi*) в конкретной ситуации как обстоятельство, подлежащее доказыванию, предполагается в качестве вменяемого в вину способа совершения того или иного преступления, пусть первоначально и в качестве «фактического состава», но описывающего уже определенный, соотношенный с нормой УК «моральный факт». Контур факта строятся по схеме, заданной нормой закона.

¹ Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2008. С. 274–275.

² Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 36.

³ Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс. М., 2003. С. 108.

⁴ Еникеев М. И. Юридическая психология. М., 2006. С. 565.

⁵ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 552.

⁶ Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 159, 227.

⁷ *Samaha J. Criminal Law*. 8th ed. Belmont, 2005. С. 86.

⁸ Волостнов П. А. Степень вины в уголовном праве // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти М. И. Ковалева / отв. ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург, 2006. С. 52.

⁹ См., например: Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 3.

¹⁰ Хант М. История психологии. М., 2009. С. 668.

¹¹ Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Об основе морали. М., 1998. С. 407.

¹² Фейербах П. А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 115.

¹³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902. С. 563.

¹⁴ Лист Ф. фон. Учебник уголовного права. М., 1903. С. 170.

¹⁵ Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 218.

¹⁶ Лист Ф. фон. Указ. соч. С. 167.

¹⁷ *Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung*. Erster Band. Zweiter Teil band. М., 2006. С. 489.

¹⁸ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 2007. Т. 1. С. 538.

¹⁹ Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 211.

²⁰ Клепицкий И. А. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2009. С. 160.

- ²¹ Люблинский П. И. Техника, казуистика и толкование уголовного кодекса. М., 2004. С. 60.
- ²² Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 149.
- ²³ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 9 февраля 2004 г. по делу № 3-004-1сп // Судебная практика к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М., 2005. С. 889.
- ²⁴ Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 138.
- ²⁵ Там же. С. 222.
- ²⁶ Уголовное право. Общая часть. С. 274.
- ²⁷ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 147.
- ²⁸ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2003. С. 20, 24, 87.
- ²⁹ Козаченко И. Я., Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Понятие вины в уголовном праве. Екатеринбург, 1993. С. 30.
- ³⁰ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 295–296.
- ³¹ Демидов Ю. А. Предметное содержание умысла по советскому уголовному праву // Тр. Высшей школы МООП. М., 1965. С. 27.
- ³² Sataha J. Op. cit. P. 87.
- ³³ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 156.; Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 16.
- ³⁴ Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 2. С. 9.
- ³⁵ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам / сост. Е. А. Есаков. М., 2010. С. 395.
- ³⁶ Франкл Д. Археология ума. М., 2006. С. 14.